

Бэрфилд

Караван реданских солдат остановился на день в маленьком городке недалеко от Драконовых гор. Радовид и его самые старшие офицеры сняли комнаты в местной таверне, а остальные его люди разбили бивак за пределами города. В одной из самых маленьких палаток находились два реданца, охранявшие Лидиала и Малека, чьи руки не только все еще были связаны за спиной, но и прикреплены к большому металлическому столбу, вбитому глубоко в землю.

Баркейн присел на корточки и вошел в небольшую палатку, в его волосах и на плечах доспехов виднелись снежинки. Он посмотрел на двух охранников.

«Вы можете выйти. Я собираюсь поговорить со своей семьей».

Увидев, как двое выходят из палатки, он повернулся к своим дяде и бабушке.

«Я не сомневаюсь, что кто-то из вас мной доволен».

«Да... некоторые могут назвать тебя предателем», — сказал Малек.

— Понятно, — сказал Баркейн, кивнув головой. «За исключением того, что я бы никогда не отвернулся от Нильфгаарда, если бы он сначала не отвернулся от меня. Все, что я когда-либо хотел, это быть таким, как ты, дядя. Быть частью великого дела. Принадлежать. Служить Империя. Но она ясно дала понять, что она меня не хочет. Итак, я нашел страну, которая хотела. Группу, которая меня приняла ».

«Думаешь, Радовид действительно тебя принимает? Он знает, что ты четверть Эйн Сейдхе?» — спросил Малек.

«Он любит... и ему все равно. Вопреки распространенному мнению, он на самом деле не ненавидит всех нелюдей. Он просто ненавидит скоя'таэлей. И у него есть на это веские причины. Они сражались на стороне Нильфгаарда во Второй войне. Если бы я был нордлингом, я бы тоже их ненавидел».

Малек покачал головой. «Баркен, не будь дураком. Ты не можешь верить, что он позволит тебе оставить Меч».

На лице Баркейна внезапно появилось выражение растерянности.

«Дядя, я не хочу его оставлять», — ответил он. «Я не жаждущий власти безумец. У меня нет планов управлять страной самостоятельно. Я просто хочу сыграть свою роль. Тем не менее, я думаю, что мне придется довольно часто использовать Меч. Когда я служу короне, король Радовид уже пообещал мне практически любую роль, которую я пожелаю. И я просил должность, подобную той, которую ты играл с Эмгыром. В этой роли я вижу, что Меч очень пригодится».

— Это при условии, что ты сможешь его найти, — сказал Лидиал. «И в остальных есеейских свитках нет ничего о его местонахождении».

Баркен улыбнулся. «Это не будет проблемой, Нейн. Несмотря на то, во что ты веришь, писания Эссеи — не единственные тексты, в которых есть ответы».

Затем он вытащил из гамбезона небольшую книгу.

«Специальный папин дневник».

— У тебя это было все время? Лидиал был недоверчив.

«Это довольно хорошее чтение. Молодой человек по имени Лан пишет действительно интересную историю. Об эльфе Аэн Сейдхе с волшебным мечом, который заблудился в горах. Была метель и лавина, разрушившая горный перевал; он совершил опасное падение в глубокое ущелье; он прятался в пещере, пока не прошла буря. Затем, через четыре дня, эльф приходит в город и убивает троих своих соотечественников. Но, прежде чем сделать это, он говорит им, что меч был потерян где-то высоко в горах. История продолжается, но это основные моменты. Однако в журнале отсутствуют некоторые страницы и некоторые важные детали, такие как название города и название горного хребта. Но, к счастью, вы предоставил их мне, Нейн».

Затем он снова широко улыбнулся. «Мы находимся на пороге того, что может стать самым невероятным открытием на этом континенте. Вся заслуга, конечно, достается мне, но между нами... Я бы не смог сделать это без тебя».

— Это был ты, — прошептал Малек. Выражение его лица выражало отвращение и недоверие.

Баркейн отвернулся от Лидиала и посмотрел на Малека.

"Приходи еще?"

«Это был ты», — повторил он. «Эта книга пропала в ту ночь, когда были убиты твои родители. Ты сделал это, не так ли? Ты убил Ханнамиэля. Твою собственную мать».

Улыбка сошла с лица Баркейна. Он посмотрел на Малека, но ничего не сказал.

«Баркен?» — сказала Лидиал, ее голос был полон страха и неуверенности.

Он посмотрел на бабушку и кивнул. «Мне очень жаль, Нейн. Я не хотел. Все, что я хотел, это книга. Клянусь, этот человек ни на что не годился, — сказал он, покачивая головой. «Мы боролись, и мама пыталась нас остановить. Она упала и ударилась головой о стол. Ее мгновенно убили».

Баркейн отвернулся, словно прокручивая в уме это воспоминание. Затем он посмотрел на Малека.

«Это был несчастный случай. Это может случиться с кем угодно, верно, дядя? Я имею в виду, ты что-то об этом знаешь, не так ли? Случайное убийство любимого человека».

ooo

Голубые горы

Йеннифэр, черноволосая волшебница из Венгерберга, целеустремленно шагала по лаборатории третьего этажа дворца Эн Сейдхе, как она делала каждый день с тех пор, как впервые приехала туда прошлым летом. Каждый час каждого дня она тщательно следила за магией, поддерживающей десятки эльфийских зародышей, помещенных в специальные стеклянные контейнеры. В течение последних нескольких месяцев она была сосредоточена на единственной цели – «родить» как можно больше эльфийских зародышей, и она знала точное число. Она уже помогла десяти новым жизням появиться на свет. И хотя до сих пор все они

были усыновлены семьями Эн Сейдхе во дворце, в глубине души она надеялась, что однажды она сможет позвонить одному из еще не родившихся детей. дети ее собственные.

Однако волшебница не была наивной. Она ясно осознавала, что, хотя эльфы и были благодарны за ее службу, они никогда не отдадут на воспитание ни одного представителя своего вида человеку – тем более ведьме. Она знала, что, по их мнению, она никогда не будет больше, чем «тетей» Йеннифэр для любого из новорожденных. Но это не остановило волшебницу – ни в малейшей степени. Она была слишком близка к тому, чтобы снова стать матерью, и не позволяла никому и ничему остановить ее.

Она была более чем готова помочь Эн Сейдхе и дождаться своего часа, а затем, когда родится последний ребенок, она – и он – просто уйдет вместе. Она была могущественной обладательницей магии... так кто мог остановить ее? И, по мнению Йеннифэр, стать матерью было просто ее заслугой. Если бы не ее магия, все зародыши уже бы погибли. Таким образом, это имело смысл – она заслужила возможность усыновить, вырастить и полюбить одного из них как своего собственного, а мысль о том, чтобы держать на руках собственного новорожденного, вызвала улыбку у женщины с обычно суровым лицом. Именно тогда Йеннифэр отвлеклась от раздумий открывшейся дверью в лабораторию.

«Прошу прощения, госпожа Йеннифэр, — сказал эльф, — но у вас гость — ведьмак».

Глаза волшебницы непроизвольно расширились на долю дюйма, сопровождаясь коротким вздохом, но она тут же восстановила самообладание и снова приняла свое типичное стоическое выражение лица. Было бы неприлично, если бы волшебницу когда-либо считали кем-то другим, кроме как обладающей полным контролем.

ooo

Геральт сидел в большом металлическом стуле в одной из комнат первого этажа дворца Дол Блатанна. Пожалуй, это было самое неудобное кресло, на котором он когда-либо сидел. Подушек не было; сиденье как будто наклонилось под странным углом; не было рук, на которые можно было бы опереться локтями; и из-за протеза ноги он не мог сидеть в привычной позе. Вся ситуация, казалось, отражала то, что он чувствовал внутри. Он начинал думать, что приход во дворец был полной ошибкой.

Ведьмак, честно говоря, чувствовал больше беспокойства, общаясь с черноволосой волшебницей, чем когда-либо до того, как столкнулся с каким-то монстром после Соединения. По крайней мере, к монстру он знал, как подготовиться. Но о Йеннифэр из Венгерберга не было записи в бестиарии. Большую часть времени она проявляла ледяную, твердую, надменную оболочку, но с такой же легкостью могла взорваться пламенным порывом гнева – много раз по причинам, которые были ему совершенно неизвестны и непостижимы. Если кому-то в их бурных отношениях когда-либо и требовалась способность читать мысли, так это ему, а не ей. Обычно, когда он был рядом с ней в прошлом, Геральт почти постоянно находился в состоянии замешательства и замешательства из-за ее поведения. Единственное, что ведьмак знал наверняка о волшебнице из своих многолетних, периодических и периодических отношений с ней, это то, что она, казалось, была удовлетворена им только тогда, когда он сделал ее центром своей вселенной.

Пока он был уверен, что его жизнь полностью вращается вокруг нее и что он был рядом с ней при каждом ее зове, между ними в основном царил мир. Конечно, даже тогда это было только большую часть времени. Он постоянно раздражал ее просто тем, что был самим собой. Настолько, что он, честно говоря, даже не был уверен, почему ей вообще нравилось его

присутствие рядом. Казалось, они только и делали, что выявляли худшее друг в друге. Однако, несмотря на всё вышесказанное, он мог признать, что в целом их отношения не были полностью неприятными – секс был очень страстным – но в целом, единственное слово, которое приходило ему на ум, когда он думал об их совместной жизни, было «утомительным».

В этот момент Геральт решил уйти. Он решил, что все-таки попытается сделать то, что ему нужно, без помощи Йеннифэр. Но как только он встал со стула, он услышал стук каблуков по мраморному полу, доносившийся с другой стороны двери комнаты. Он знал эту ритмичность шагов где угодно. Даже то, как она шла, было отчетливо и уникально похоже на Йен.

«Здорово», — прошептал он себе после глубокого выдоха. После нескольких долгих минут молчания дверь в комнату наконец открылась и вошла волшебница из Венгерберга.

ooo

Внутри Йеннифэр бушевала битва, пока она шла по коридорам, а затем по лестнице к комнате на первом этаже, где ждал Геральт. Она верила, что искренне любит романтически-невежественного и эмоционально далекого маленького мальчика, спрятанного внутри тела взрослого мужчины, но она также устала от того, что он разбивает ей сердце. Каждый раз, когда она ослабляла свою защиту и впускала его, он неизменно разворачивался и убегал – если не на этой неделе, то через несколько месяцев. Это происходило каждый раз. Но, несмотря на боль, которую он ей причинил, она все еще была взволнована им.

Он имел над ней некоторую власть, которую она просто не могла объяснить. Возможно, это произошло потому, что – несмотря на то, как она обращалась с ним, когда они впервые встретились – он все равно рисковал своей жизнью, чтобы спасти ее от джиннов много лет назад. Она могла признать, что эта жертва произвела неизгладимое впечатление. Хотя бесчисленное количество мужчин были готовы чем-то пожертвовать – проглотив часть своей мужской гордости – чтобы быть с ней, ни один другой мужчина в ее жизни никогда не был готов умереть, чтобы спасти ее. В отличие от отстраненной внешней внешности, которую она так тщательно культивировала на протяжении десятилетий, глубоко внутри она действительно жаждала близости, и ведьмак всегда прикасался к ней и, по крайней мере, частично удовлетворял это стремление так, как никто не мог. еще когда-либо мог.

При этой мысли на ее лице появилась легкая улыбка. Она не могла этого отрицать – ей хотелось снова увидеть Геральта и услышать, как он называет ее «Йен». Он был единственным человеком, которому она позволила это сделать. Внутри нее также поднялся крошечный прилив гордости и удовлетворения. Она знала – несмотря на то, что он сказал ей после того, как джинны на вершине горы Скеллиге разорвали магическую связь между ними – что ведьмак всегда вернется к ней. Даже если никто этого не понимал, они были созданы друг для друга. Она знала это в своем сердце.

Добравшись до двери первого этажа, волшебница остановилась. Она быстро провела руками по своему наряду, разглаживая морщины, а затем убрала улыбку с лица. Хоть она и была рада, что он здесь, она не могла дать ему об этом знать – по крайней мере, поначалу. Ей нужно было заставить его немного попотеть. Ей приходилось держать ситуацию под контролем – всегда – но особенно, когда дело касалось ее отношений с ним. Черноволосая волшебница глубоко вздохнула, затем потянулась к ручке и открыла дверь.

ooo

— Привет, Йеннифэр. Ты выглядишь фантастически, — быстро сказал ведьмак, прежде чем

волшебница успела произнести хоть слово. Он надеялся, что первый комплимент задаст дружеский тон всему разговору. Он также щеголял своей лучшей и самой обезоруживающей улыбкой.

Йеннифэр остановилась в нескольких футах от него и посмотрела на него с легким взглядом.

"Вы шутите?" — подумал он про себя, и его улыбка несколько померкла. — Как можно было сказать что-то не то?

— Привет, Геральт, — сказала она очень отрывисто. «С каких это пор ты стала называть меня Йеннифэр?»

«Э-э... с тех пор, как я вспомнил, как ты сказала мне, что я потерял право называть тебя Йен», — сказал он, возвращая небольшую и, как он надеялся, заискивающую улыбку на свое лицо. — В любом случае, ты выглядишь великолепно.

«Да, ты уже говорил это. А ты... Я никогда не видел твоих волос такими короткими».

Он кивнул, и в его памяти автоматически всплыло воспоминание о том, как Иви отрезала дюжину дюймов его волос в горах над Бан-Ардом. При мысли о ней его улыбка исчезла.

«Да, я вырезал его несколько месяцев назад», — торжественно сказал он.

Глаза Йеннифэр снова сузились, и она на мгновение замолчала.

«Правда? Разве ты не имеешь в виду, что твой вкус месяца подошёл?»

Вспышка гнева охватила ведьмака, потому что он знал, что она только что снова прочитала его мысли, несмотря на то, что он бесчисленное количество раз говорил ей, что считает это вторжением в личную жизнь. Но вместо того, чтобы что-то сказать, он закрыл глаза и попытался контролировать свое дыхание.

«Кроткое слово отвращает гнев. Кроткие слова отвращают гнев. Кроткие слова отвращают гнев», — говорил он себе снова и снова.

Последнее, чего он сейчас хотел, — это драться с ней. В конце концов он глубоко выдохнул и открыл глаза.

«Давай попробуем еще раз, ладно? Как дела, Йен? Ты хорошо выглядишь».

— Почему ты здесь, Геральт? — спросила она определенно ледяным тоном. «Вы совершенно ясно дали понять, что...» Но она внезапно оборвала свою мысль на полуслове. «Чего именно ты от меня хочешь? Я знаю, что ты зашел не просто поздороваться».

«Хорошо. Если ты этого хочешь», — ответил он, кивнув. — Вы владеете кровопролитием?

Она пристально посмотрела на него. «Правда, Геральт? Каждый средний выпускник Аретузы это освоил... а я явно не средний».

«Извините, извините», — ответил он, подняв обе руки вверх. «Я должен был знать, что лучше не подвергать сомнению твои навыки. Я просто хотел убедиться».

«Однако твой вопрос меня удивляет. Я думал, что твоя чувствительность слишком тонка, чтобы заниматься магией крови».

«Теперь ты просто труден, Йен. Ты прекрасно знаешь, что у меня проблема с некромантией – черной магией. Я не хочу, чтобы ты пытался воскрешать мертвых. Мне просто нужно, чтобы ты нашел кто-то для меня».

Ехидный взгляд исказил лицо волшебницы.

«Дай угадаю: твой маленький аромат месяца ускользнул от кого-то другого».

Геральт ничего не сказал, потому что снова почувствовал искру гнева. Он просто крепко сжал челюсти и изо всех сил старался контролировать свое дыхание. У этой ведьмы был особый дар проникать ему под кожу. Он просто смотрел на свою бывшую возлюбленную, и, изучая ее лицо, его гнев внезапно исчез, и его охватила печаль. Женщине перед ним было так много повезло, и все же она была чертовски несчастна. Он задавался вопросом, знала ли она когда-нибудь по-настоящему мир, радость и удовлетворение в своем сердце. Куда бы она ни пошла, женщины завидовали ее красоте так же, как к ней тянулись мужчины. Неисчислимое количество людей буквально убило бы, чтобы получить такую силу, которой она обладала. Но вместо того, чтобы сосредоточиться на своих дарах и быть благодарной за эти благословения, она предпочла позволить горечи поглотить ее.

Горечь из-за того, что с ней сделали. Горечь из-за того, чего она не могла иметь. И на протяжении всей ее жизни эта жесткость отталкивала от нее практически всех, всегда держала людей на расстоянии. Кроме себя и Цири, он не был уверен, что у Йеннифэр когда-либо были настоящие друзья в жизни. За все время, что они были знакомы, Геральт мог вспомнить только одного человека, которого Йеннифэр искренне считала другом, – Трисс, – и даже она в итоге предала черноволосую волшебницу, преследуя его. На самом деле все было очень грустно, когда он думал об этом.

Ведьмак впервые в жизни увидел Йеннифэр такой, какая она есть на самом деле. Внутри она была все той же сломленной маленькой девочкой с горбатым лицом и жестоким отцом, которой она всегда была. Напуганная и злая маленькая девочка, протестующая против несправедливости жизни, искренне верящая, что каким-то образом жизнь «должна» ей все, что она хотела. А поскольку она не могла получить то, что хотела, она просто делала всех вокруг такими же несчастными, как и она сама.

Несмотря на прозрение, которое он испытал по поводу Йеннифэр, это не заставило его осуждать. Скорее, это вызывало у него грусть и сочувствие, потому что он тоже чувствовал то же самое в разные моменты своей жизни – горечь из-за того, что никогда не знал свою семью; горько из-за того, что у него нет выбора стать ведьмаком; горько из-за своего бесплодия, из-за того, что он был изгоем; из-за потери своих близких; и горько также из-за несправедливости жизни. Геральт внезапно почувствовал себя ошеломленным милостью Эссеи. Ведьмак знал, что, если бы Бог не протянул руку и не вложил в него часть своего «света» или «доброты», он был бы таким же, как женщина напротив него – совершенно измученным, безрадостным, лишенным друзей и без какой-либо настоящей надежды. в мире, что жизнь могла бы быть лучше.

Геральт медленно покачал головой, глядя на волшебницу.

«Знаешь, Йен, это не должно быть так сложно».

Она нахмурила бровь, глядя на него. «Что не так?»

«Жизнь... отношения... они не обязательно должны быть такими трудными. Доброта – это не слабость».

На лице Йеннифэр появилось снисходительное выражение.

«Я знаю, ты всегда воображал себя чем-то вроде философа, раздающего свои псевдоинтеллектуальные жемчужины мудрости наивным крестьянским девушкам, которых ты так любишь ночевать, но, пожалуйста, Ведьмак, ты даешь советы по отношениям? Это богато. "Не забывай, с кем ты разговариваешь. Я не один из твоих случайных согревателей постели. Я действительно знаю тебя. Ты скорее сразишься с дюжиной зойглов, чем когда-либо действительно свяжешься с кем-нибудь... так что не говори " мне об отношениях».

Геральт просто смотрел на свою бывшую любовь, и в его голове проносились самые разные ответы. Раньше он бы выбрал саркастическую колкость, и даже сейчас она автоматически пришла на ум. Более того, он мог бы рассказать ей об Иви. Сказал волшебнице, что она не знала его так хорошо, как думала, потому что на самом деле он отдал историку свое сердце и взял ее в жены, но он знал, что это глубоко ранило бы Йеннифэр, и последнее, чего он желал, — это вступить в одну из их эпических схваток — хотя он был совершенно уверен, что она именно этого и хотела. За прошедшие годы он понял, что в своей извращенной психике Йеннифэр каким-то образом приравнивала борьбу к проявлению своей заботы. Для нее это означало, что пара страстна — или еще какую-то ерунду. Он решил, что это как-то связано с жестоким домом, в котором она выросла. Несмотря на это, у него больше не было сил справиться с этим.

Он протянул руку и пригладил щетину на подбородке, пытаясь дать себе еще немного времени, чтобы спокойствие охватило его, прежде чем он откроет рот. Наконец, он несколько раз кивнул и тихо вздохнул.

«Я явно разозлил тебя. Прошу прощения за это. Это не было моим намерением», — сказал он, а затем повернулся и схватил свою трость, лежащую на соседнем столе, прежде чем снова посмотреть на волшебницу. «Мне жаль, что я побеспокоил тебя, Йен. Я покажусь».

А затем он начал хромать к двери, опираясь на трость.

Незадолго до того, как он достиг порога, Йеннифэр заговорила: — Геральт, что случилось с твоей ногой?

Он остановился, глядя на дверь, и сдержал ехидное замечание, которое, естественно, пришло ему на ум.

Вместо этого он обернулся и просто сказал: «Просто несчастный случай».

«Ну, дай мне посмотреть. Возможно, я смогу тебе помочь». В ее голосе по-прежнему не было нежности.

Ведьмак посмотрел на свою ногу, а когда снова посмотрел на Йеннифэр, она увидела на его лице задумчивую улыбку. Затем он взял трость и дважды постучал ею по правой ноге чуть ниже колена. Послышался безошибочный звук удара дерева по дереву, от которого волшебница ахнула.

«Ты могущественная волшебница, Йен, но я не думаю, что даже ты сможешь вырастить новую ногу».

ooo

«Дайте мне пузырек с кровью», — приказала Йеннифэр, стоя перед столом, заставленным

множеством чаш и мензурок, наполненных всевозможными веществами.

Они с Геральтом находились в большой комнате дворца Эн Сейдхе, служившей одновременно жилым помещением волшебницы и ее личной лабораторией. Йеннифэр потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя от шока от ранения Геральта, но как только она это сделала, она нашла в себе силы помочь ведьмаку.

Когда Геральт передал флакон, она спросила: «Сколько лет крови?»

Он на мгновение остановился, делая некоторые мысленные расчеты.

«Ну, больше месяца».

На лице волшебницы промелькнуло недовольное выражение. «И я предполагаю, что все это время он не находился в магическом стазисе и, по крайней мере, не хранился в холодных условиях».

Он кивнул. «Вы бы предположили правильно».

«Ну, тогда я не буду гарантировать результат. Магические эксперименты хороши настолько, насколько хороши используемые ингредиенты. Кто-то столь же хорошо осведомленный в алхимии, как и ты, должен это знать».

«Должным образом отмечено – что-то идет не так... это не твоя вина. Мне все равно нужно, чтобы ты сделал это для меня».

Йеннифэр откупорила пузырек и поморщилась от того, что увидела и почувствовала запах.

«Все хуже, чем я думал, но, полагаю, нам придется смириться».

Пока волшебница занималась подготовкой к эксперименту, Геральт нашел ближайший стул и сел. Она очистила засохшую кровь от флакона и положила ее в большую миску. Затем она тщательно отмерила различные ингредиенты и добавила каждый в миску.

— Итак, я был прав в том, что ты ищешь своего... друга — профессора истории? — спросила она, продолжая работать.

«Нет, Йен, это не так. Она мертва. Это ее кровь».

Йеннифэр на мгновение остановилась и краем глаза взглянула на Геральта, но тут же вернулась к отмериванию ингредиентов.

«Я ищу ее бабушку», продолжил он.

— И она ближайшая родственница твоего друга?

«Нет, это ее брат».

— Ну, тогда Геральт, мы теряем время, — сказала Йеннифэр, отворачиваясь от стола и глядя прямо на ведьмака. «Это заклинание покажет вам ее ближайшего кровного родственника».

— Я знаю, — сказал он, кивнув. «Но я готов поспорить, что они все еще вместе, так что... если я найду его, то я должен найти и ее».

«Это как-то связано с тем, что случилось с твоей ногой?»

Он снова кивнул. «Они родственники».

— И ты все еще не собираешься рассказать мне, о чем речь?

«Слишком много людей уже умерло. Я не хочу вовлекать вас в гущу событий».

«А если я откажусь помочь тебе, если ты мне не скажешь?»

«Ну, это меня не удивит. Я знаю, что ты не любишь секреты».

— Но ты все еще не хочешь мне сказать?

«Я бы попросил тебя довериться мне – я искренне действую в твоих интересах. В любом случае, если бы ты знал, о чем идет речь, это не имело бы значения. Тебе придется остаться здесь из-за тех эмбрионов на третьем этаже, верно?»

«Правильно, а это значит, что нет ничего плохого в том, чтобы сказать мне», — ответила она с легкой улыбкой.

Ведьмак в ответ слегка улыбнулся. "Отлично сработано."

В течение следующих десяти минут Геральт изложил Йеннифэр очень сокращенную и очень разбавленную версию событий последних четырех месяцев. Он сказал ей, что они искали старый артефакт Эн Сейдхе, но не сказал ей никаких подробностей - что он был связан с пророчеством или что он предположительно мог обладать силой уничтожать народы. Он знал, что она знает, что он не на 100% откровенен, но, честно говоря, они оба к этому привыкли. За время их почти тридцатилетних отношений ни один из них ни разу по-настоящему не открылся другому.

К тому времени, как ведьмак закончил рассказывать свою историю, Йеннифэр закончила свои приготовления. Она держала перед собой миску, в которой было большое количество хлопьевидного сухого материала.

"Что дальше?" — спросил ведьмак, кивнув на чашу в ее руках.

«Ну, существуют различные ритуалы и заклинания кровожадности, которые можно использовать для определения местоположения, но, учитывая состояние образца крови, который вы мне дали, я думаю, что это даст нам лучшие результаты. Я дам вам влажный полотенце, чтобы прикрыть голову, и наклонитесь над чашей, пока горят благовония. Это поможет, если вы тоже попытаетесь медитировать. Я также наложу гипнотическое заклинание на ваш разум. Все это вместе, должно позволит вам увидеть, кого вы ищете».

«Значит, я буду видеться только с ее ближайшим кровным родственником, верно?»

«Изначально вы можете видеть нескольких людей, но да, заклинание должно быстро сфокусироваться на человеке, который имеет самую близкую кровную связь с вашим другом».

Геральт кивнул. «Хорошо. Тогда я готов».

ooo

Пятнадцать минут спустя Йеннифэр наблюдала за Геральтом, который сидел в кресле,

положив руки на стол перед собой, и наклонился над чашей с горящими благовониями. Внезапно ведьмак резко дернул головой вверх, выходя из волшебного видения. Он снял полотенце с головы, выпрямился в кресле и медленно покачал головой взад и вперед. Его брови были нахмурены, а на лице отразилось растерянность.

"В чем дело?" — спросила Йеннифэр.

Геральт посмотрел ей в глаза. «Вы уверены, что правильно приготовили кровь?»

Единственным ответом чародейки было приподнять бровь в сторону ведьмака.

- Верно, - сказал Геральт. «Извини, просто... видение пропало».

"Как же так?"

«Сначала все было так, как ты сказал. Я увидел нескольких людей – людей, которых я никогда раньше не видел. Я предполагаю, что это родственники Иви. А затем видение быстро показало мне Лидиала и Баркаина – ее бабушку и брата. В этот момент Я предположил, что это сработало идеально, и начал изучать землю вокруг них в поисках опознавательных знаков. Но затем в фокусе оказался ее дядя, и видение не покидало его, пока оно, наконец, не закончилось».

«Я гарантирую тебе, что я не ошибся. Если в видении и была какая-то ошибка, то это из-за испорченной крови, которую ты мне принес».

Геральт некоторое время молчал, глядя в пространство. Затем он несколько раз кивнул головой и посмотрел на Йеннифэр.

«Ну, я не думаю, что это имеет большое значение», — сказал он, но выражение его лица показало, что он не совсем в этом уверен. «Все трое были вместе, в одном районе. И, что наиболее важно, я думаю, что узнал их местонахождение. Они недалеко от города, в котором я был много раз».

— Итак, снова на Пути?

«Да, до них как минимум неделя тяжелой езды. Теперь, когда я знаю, где они, мне следует немедленно уехать».

«Знаешь, — сказала волшебница с улыбкой, — я могла бы открыть для тебя портал. И да, я знаю, что ты их ненавидишь, но это приведет тебя туда быстрее. Кто знает, где они будут через неделю. , верно?"

Геральт посмотрел на Йеннифэр и прищурился. «Йен, я слишком хорошо тебя знаю. Ты что-то задумал».

На ее лице появилась ухмылка, и она покачала головой.

«Типично, ведьмак. У тебя нет проблем использовать меня, когда это соответствует твоим потребностям, но если ты изо всех сил стараешься проявить доброту, ты внезапно становишься подозрительным и убегаешь. Так что давай, Ведьмак, убегай, как ты всегда сделанный." Она снова покачала головой. «И ты осмелился давать мне советы по поводу отношений».

— Ладно, ладно, — прорычал ведьмак. «Ты высказал свою точку зрения. Мне очень жаль. Ты

прав – я должен тебе доверять». Затем он кивнул головой сам себе. «Мне придется оставить здесь свою лошадь, но портал будет кстати. И я всегда смогу приобрести одну из их лошадей». Затем он посмотрел на волшебницу. «Хорошо. Я воспользуюсь твоим порталом».

Десять минут спустя Йеннифэр наблюдала, как Геральт хромал через ее магический портал с мечом в одной руке, тростью в другой и седельной сумкой на правом плече.

Как только портал закрылся, она сразу же повернулась и целенаправленно пошла обратно в свои жилые помещения внутри дворца. Она закрыла и заперла дверь, а затем подошла к своему мегаскопу.

Йеннифэр повозилась с кристаллами, и через мгновение в воздухе между тремя точками ее мегаскопа появилось полуразмытое изображение человека.

Черноволосая волшебница обратилась к видению перед ней.

«Я не сомневаюсь, что вы удивлены, услышав это от меня, но что-то произошло. Нам нужно поговорить – лично. Я открываю портал и выхожу».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/100010/3439932>